

задачи. Это значит, что нейтрализованная семема сохраняет свою коммуникативную релевантность.

Подводя итог вышесказанному, отметим еще раз, что явление нейтрализации, в нашем понимании, выступает как явление, влияющее на системную значимость слова и связанное с наличием/отсутствием у единицы функциональной связи, на основе которой и формируется системная значимость слова. Кроме того, нейтрализацию мы рассматриваем в виде двух взаимосвязанных процессов: нейтрализации семы и нейтрализации семемы. Первая заключается в устранении семы из процесса передачи информации, утрате семой функциональной связи с экспонентом слова и с другими интенциональными семемами семемы и ее исключении из состава семемы. Нейтрализация семемы — это снижение ее лингвистической ценности, выражающееся в неспособности семемы выступать репрезентантом семемы и реализовать системные отношения соответствующего слова в семантическом поле.

Литература

1. Akamatsu, T. Essentials of functional phonology / Foreword by Andre Martinet / Serie pedagogique / SPILL 16. Louvan-la-Neuve:Peeter et Publications Linguistiques de Louvain, 1992. XI, 193 p.
2. Васильев Л. М. Современные способы формального описания семантики языковых единиц. // Теория содержательно формы. Тамбов, 1981. С. 3—20.
3. Гак В. Г. К диалектике семантических отношений в языке. // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 73—91.
4. Литвин Ф. А. Многозначность слова в языке и речи. М., 1984. 120 с.
5. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988. 168 с.
6. Новиков Л. А. Семантика русского языка. М., 1982. 272 с.
7. Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979. 256 с.
8. Филимонова Ю. В. О нейтрализации нормативных грамматических систем // Ярославский педагогический вестник. 1999, № 2.
9. Черкасов Л. Н. Теория лингвистических систем и системная фонология. Ярославль, 1996. 98 с.
10. Черкасов Л. Н. Введение в языкознание. Конспект лекций. Ярославль, 1998. 101 с.
11. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973. 280 с.

М.В. Попинова

Беженцы первой мировой войны

В данной статье речь пойдет о наиболее трагичном этапе движения беженцев в годы первой мировой войны, хронологические рамки которого охватывают лето – осень 1915 года. Достаточного развития в исторической литературе тема беженцев не получила, однако в последние годы появился ряд публикаций, свидетельствующих об интересе исследователей к данной проблеме [1]. Характер этих исследований нельзя рассматривать как комплексный, поскольку проблема предстает в них либо в региональном аспекте, либо в национальном, либо в контексте иных проблем истории первой мировой войны. В то же время проблема эта нуждается, на наш взгляд, в более детальном исследовании. Масштабы движения беженцев в годы первой мировой войны не имели аналогий во всей предшествующей военной истории России. На одном из заседаний Совета министров в конце июля 1915 года министр земледелия и землеустройства А. В. Кривошеин высказался по этому поводу следующим образом: “Из всех тяжких последствий войны это явление самое неожиданное, самое грозное и самое непоправимое. ... По всей России расходятся проклятия, болезни, горе и бедность. ... Великое переселение народов влечет Россию в бездну, к революции и к гибели” [2].

Первая волна беженцев совпала с началом войны. Так, в Москву беженцы из г. Калиша (Польша) стали прибывать уже в августе 1914 года [3]. Война разорвала традиционные представления о нравственности, порядочности и сострадании, ворвалась всеми своими ужасами в жизнь мирного населения, сделав его заложником в споре между “германизмом и славянством”. По свидетельству очевидцев, уже со второго дня оккупации Калиша (немцы вошли в него 20 июля 1914 года) [4] “начались неопишутые зверства. Немецкие солдаты без всякой причины начинали стрелять вдоль улиц. И женщины, и дети – все, что попадалось на улице, падало под их выстрелами. Немцы врываются

лись в дома, схватывали мужчин и угоняли их в Познань...” [5]. В пятницу, 25 июля, систематическая бомбардировка, которая продолжалась всю ночь, привела к множеству пожаров, разрушивших Калиш [6]. По мнению П. С. Лидовского, злодеяния германских и австро – венгерских войск на занятых территориях в годы первой мировой войны не уступали гитлеровским. Наиболее трагичными по масштабам массовых зверств являлись военные преступления в Галиции, на Буковине и Карпатской Руси, где геноцид, направленный против русин, унес жизни более 150 тыс. мирных жителей [7]. Вот как описывал расправу с галичанами А. С. Резанов : “От красивого, зажиточного, многолюдного села Юрова остался лишь длинный ряд почерневших дымовых труб. ... Немцы... учинив поджоги в 40 местах ... стали стрелять в тех, кто кидался спасать имущество. Перепуганное население, выскакивая из объятых пламенем жилищ, под пулями спасалось куда попало. Некоторые семьи спрятались в погреба, иные в картофельные ямы. Заметив это, швабы стали зажигать солому и бросать ее в ямы на живых людей. Обезумевшие от ужаса, несчастные стали выползать из ям, но тут встречали их штыками и пулями” [8].

Однако в 1914 - начале 1915 года движение беженцев не было массовым и лишь сравнительно небольшой процент жителей пограничных губерний, входивших в район военных действий, мигрировал во внутренние губернии России. Помощь этим беженцам оказывалась специально созданным для этой цели Татьянинским комитетом [9] и рядом национальных организаций (польской, литовской, еврейской и др.) [10].

Но уже к июлю - августу 1915 года робкое движение “утекинеров” [11] обратилось в результате отступления русской армии в массовое, стихийное бегство населения западных губерний, названное на страницах одной из столичных газет “Великим Исходом” [12].

В общем потоке беженцев выделялся ряд категорий. Во -первых, это добровольные беженцы, покинувшие места своего жительства из страха перед врагом. Во - вторых, целые народности, выселяемые принудительно военными властями [13]. Как отмечает С. Г. Нелипович, гонения обрушились на представителей таких национальных меньшинств, населявших западные губернии Российской империи, как немцы, евреи, поляки, литовцы, цыгане, болгары, греки, армяне [14]. К примеру, выселение австрийских евреев началось с

занятых русскими войсками районов Галиции. Затем от евреев стали очищать и попавшие в прифронтовую полосу районы черты оседлости. До конца апреля 1915 года военные власти выселяли евреев только из отдельных местечек Царства Польского, а 25 апреля последовал приказ о депортации из района военных действий в Курляндской губернии, 5 мая - из ряда местностей Ковенской губернии [15].

Мотивом выселения евреев служило либо предотвращение “предательства”, либо обвинение в “измене”. Из Курляндской и Ковенской губерний “за измену” было выслано двести тысяч евреев, причем из Ковно выслали даже раненых солдат - евреев, рожениц, тяжелобольных из больниц и пациентов из сумасшедших домов [16].

О предстоящем выселении еврейское население не оповещалось заранее. Приказ об изгнании чаще всего обрушивался внезапно. В течение нескольких часов, нередко в ночь, евреи должны были покинуть свой дом и имущество [17]. Сравнивая положение беженцев и выселенцев, Л. Клейнборт отмечал, что “беженцу удастся вывести хоть что -нибудь, выселенцу же это невозможно” [18]. Однако и положение добровольных беженцев - евреев было достаточно сложным, так как они могли мигрировать только в губернии, находящиеся в пределах черты еврейской оседлости. Р. Ганелин пишет: “Они (евреи - М. П.) заполнили восточную часть черты еврейской оседлости - Черниговскую и Полтавскую губернии, где поднялись цены на продукты и запахло погромами. Щербатов прибавил к черте оседлости Тамбовскую, Воронежскую и Пензенскую губернии. Но и там началась ... на почве базарных столкновений антисемитская агитация” [19].

В переписке Главного Комитета ВЗС (Всероссийский Земской Союз) находим любопытный документ, рисующий социально - политические последствия подобного скопления евреев-беженцев в черте оседлости: “Они (евреи - М. П.) скопляются в губерниях, непосредственно примыкающих к театру войны, где они без того крайне скучены и бедны. Подобное скопление бездомных и безработных в тылу армии затрудняет продовольствование армии и местного населения, является источником всяких эпидемий и создает опасную и недопустимую смуту в умах ...” [20].

В результате бурных обсуждений вопроса об отмене черты еврейской оседлости в Совете министров, столкновений между правительством и Ставкой верховного главнокомандова-

ния, игравшей главную роль в выселениях, "черта" циркуляром МВД от 13 августа 1915 года была расширена. Евреям разрешалось жить в городах вне черты оседлости, за исключением столиц, сельских мест и областей Кубанской, Терской и Войска Донского [21].

И, наконец, третьей, самой многочисленной категорией беженцев, являлось население тех губерний, которые по военным соображениям были полностью опустошены перед наступлением противника [22]. Принципиально положение этих беженцев ничем не отличалось от положения выселенцев и было столь же тяжелым. Из телеграммы председателя Комитета Юго - Западного фронта ВЗС С. П. Шликевича, отправленной в Главный Комитет Союза 22 августа 1915 года, мы узнаем следующие: "Количество беженцев превышает всякое вероятие. Их направляют преимущественно грунтовыми дорогами ... По принятому плану предстоит эвакуация еще многих уездов до линии Днепра. Не только ужасающая картина настоящего, но и явное бедствие в будущем ... заставляет принять исключительные меры к прекращению этих ужасов. Невозможно перегонять 13 млн. населения юго - западного края в другую половину России, оставляя на месте жительства миллионов людей пустыню. Недовольство перегоняемого растет... Тех, кто не уходит, гонят и все сжигают ..." [23].

И для беженцев, и для выселенцев путь с запада на восток сопровождался тяжкими испытаниями, страданиями, болезнями и разлукой с близкими. Даже тем беженцам, которые смогли добраться по грунтовым дорогам до железнодорожных линий, путешествие не сулило ничего приятного. Вагоны подавали грязные: из-под извести, угля, без отопления и освещения. Часто их заменяли открытые товарные платформы или решетчатые вагоны, служащие для перевозки крупной птицы. Двигались поезда с беженцами очень медленно, часто по несколько суток простаивали на станциях, перегонах, а то и просто в поле. Железнодорожная администрация пропускала вперед воинские, пассажирские, товарные поезда и лишь затем поезда с беженцами. Вследствие этого беженцы голодали, среди них развивались эпидемии с высоким процентом смертельных исходов [24]. Так, на станциях железнодорожной линии Рига - Псков в сентябре 1915 года среди беженцев из - за отсутствия врачебно - продовольственной помощи вспыхнула эпидемия дизентерии и брюшного тифа, причем смертельные случаи составили 35% [25]. Если же

поезд останавливался на станции с питательным пунктом, то трогался он без предупреждения и без справки о том, окончилась или нет раздача пищи беженцам, в результате чего одни беженцы не успевали получить пищи, а другие - сесть в поезд, и родственники теряли друг друга, причем было очень много детей, потерявших родителей [26].

На первом этапе движения беженцев, т. е. этапе эвакуации, который продолжался вплоть до осени - начала зимы 1915 года и характеризовался, как мы видели выше, стихийностью и непродуманностью действий военных и гражданских властей, огромную помощь беженцам оказывали национальные и общественные организации и, прежде всего, Всероссийские Земский и Городской Союзы. Еще в начале июня 1915 года в Земский Союз стали поступать от представителей военных властей на фронте и от губернаторов пограничных губерний просьбы об организации Союзом продовольственной и медицинской помощи эвакуируемым беженцам [27]. И уже к октябрю 1915 года Комитет Юго - Западного фронта ВЗС (не считая комитеты других фронтов) содержал 120 питательных пунктов (при среднем числе 1750 беженцев в день на одном питательном пункте), 120 барачных для ночлега беженцев, 15 бань, 15 прачечных, 20 яслей (каждые на 100 детей), 3 детских дома (на 150 детей каждый), 20 врачебных, 30 фельдшерских и 6 врачебно - изоляционно - пропускных пунктов [28].

Не углубляясь далее в проблему организации помощи беженцам, которая выходит за рамки данной статьи, укажем в заключение, что в результате "Великого Исхода" 1915 года к 20 декабря этого года во внутренних губерниях России (по предварительным и, вероятно, неполным сведениям) осело 2 706 309 беженцев [29].

С этого времени начинается новый этап движения беженцев - этап социально - экономической адаптации беженцев в местах нового поселения и организации им государственной помощи при посредстве как правительственных, так и общественных структур.

Литература

1. Ганелин Р. Еврейский вопрос во внутренней политике России в 1915 г. // Вестник Еврейского университета в Москве. 1997. № 1. С. 41 - 65. Горская Н. Смоленское земство в деле оказания помощи беженцам // Край Смоленский. 1994. № 9 - 10. С. 43 - 54. Ер-

- маков Е. Несостоявшийся проект: попытка поселения евреев на Алтае в годы первой мировой войны // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 2. С. 32 - 34.
- Кандель Ф. Очерки времен и событий. Из истории российских евреев. Ч.3. Иерусалим, 1994. С. 303 - 310.
- Нелипович С. Репрессии против подданных "центральных держав" // Военно - исторический журнал. 1996. № 6. С. 32 - 42.
- Островский Л. Поляки в Сибири в первой трети XX века // Сибирь в XVI - XX веках: экономика, общественно - политическая жизнь и культура. Новосибирск, 1997. С. 188 - 193.
- Пашенцев Д. Благотворительная деятельность русской православной церкви в начальный период первой мировой войны // Россия в первой мировой войне. Тезисы межвузовской научной конференции. Рязань, 1994. С. 161 - 163.
- Фельдблюм В. Политика дискриминации евреев в царской России // Корни. 1994. № 1. С. 40 - 56.
2. Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. Ход и настроение армии и тыла в кампаниях 1914 - 1916 гг. // Военно - исторический журнал. 1993. № 10. С. 62.
 3. Очерк деятельности Всероссийского Союза Городов. 1914 - 1915. М., 1916. С. 180.
 4. Здесь и далее все даты даны по старому стилю.
 5. Резанов А. С. Немецкие зверства. Книга составлена по рассказам потерпевших и очевидцев, а также по официальным документам. Изд - е 2. Пг., 1915. С. 176.
 6. Там же. С. 165, 262.
 7. См. подробнее публикацию Лидовского П. С. "Украинцы ... могут сделаться честными австрийцами" // Военно - исторический журнал. 1997. № 3. С. 58 - 61.
 8. Резанов А. С. Указ. соч. С. 297.
 9. Комитет Ее Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных действий был Высочайше утвержден Николаем II 14 сентября 1914 года. Главной задачей Комитета стала помощь беженцам. - Ольман С. Русское общество: Война и Благотворительность // Вестник благотворительности. 1994. № 6. С. 14.
 10. Краткий очерк деятельности Всероссийского Земского Союза. Январь 1916. М., 1916. С. 40
 11. Сурина - Мосальская Е. А. Записки беженца. Пг., 1916. С. 4.
 12. Беженцы и организация помощи им в связи с работами Особого Сопровождающего. Доклад Главным Комитетом Уполномоченного, председателя Отдела М. М. Щепкина. Март 1916 г. М., 1916. С. 1.
 13. Бахрушин С. Беженцы // Беженцы и выселенцы. Отдельные оттиски из № 17 Известий Всероссийского Союза Городов. М., 1915. С. 1.
 14. Нелипович С. Г. Указ. соч. - с. 32. Ср. также ст. Пагануцци П. Император Николай II - спаситель сотен тысяч армян от турецкого геноцида // Родина. 1993. № 8/9. С. 92-96.
 15. Ганелин Р. Указ. соч. С. 43.
 16. Кандель Ф. Указ. соч. С. 305 - 306.
 17. Положение евреев - беженцев. М., 1915. С. 1.
 18. Клейнборт Л. Беженцы // Современный мир. 1915. № 11. С. 115.
 19. См. также об антисемитских настроениях обывателей Пензенской губернии по отношению к евреям беженцам публикацию "Вот что наделал кайзер проклятый". Из семейной переписки Беликовых 1914 - 1917 гг. // Земство. 1994. № 4. 178 - 197 с.
 20. Российский Государственный Военно - исторический архив. Ф. 12564. О. 1. Д. 24. Л. 156.
 21. См. Клейнборт Л. Указ. соч. 116 с. Фельдблюм В. Указ. соч. С. 54.
 22. Бахрушин С. Указ. соч. С. 1.
 23. РГВИА.. Ф. 12564. Оп. 1. Д. 54. Л. 43 - 44. Прим. Телеграмма была зашифрована.
 24. Там же. Л. 117, 119, 122, 124.
 25. Обзор деятельности Комитета Северного фронта Всероссийского Земского Союза до января 1916 г. М., 1916. С. 32.
 26. РГВИА.. Ф. 12564. Оп. 1. Д. 54. Л. 120.
 27. Беженцы и организация помощи им ... С. 58.
 28. РГВИА.. Ф. 12564. Оп. 1. Д. 54. Л. 50.
 29. Отчет о деятельности Особого Отдела Комитета Ее Императорского Высочества Великой княжны Татьяны Николаевны по регистрации беженцев в 1915 г. Пг., 1916. С. 47.

Н.П. Скороходова

**Индия: социальный портрет
малого бизнеса
(70-80-е годы XX века)**

Цель настоящей статьи – выявление изменений, происшедших в сфере мелкой про-